

Научная статья

УДК 930

doi: 10.17223/19988613/97/19

К вопросу о значениях слова «правда» в Древней Руси

Николай Александрович Шавеко

Институт государства и права Российской академии наук, Москва, Россия, shavekonikolai@gmail.com

Аннотация. Рассматриваются значения слова «правда» в древнерусских источниках. В полемике с другими авторами высказывается позиция относительно перечня данных значений, в частности ставится под сомнение такие значения слова «правда», как «чей-либо интерес», «оправдательный приговор суда», предлагается выделить особое значение правды как «личного убеждения человека». Рассматриваются значения некоторых слов, которые выступали в Древней Руси синонимами слова «правда» или производными от него. Делается вывод, что некоторые из значений слова «правда» обозначают не должное (императивное), а сущее (прескриптивное), хотя понимание правды как должного все же первично.

Ключевые слова: правда, Древняя Русь, справедливость

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Минобрнауки России в форме субсидий из федерального бюджета на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития (соглашение от 12 июля 2024 г. № 075-15-2024-639).

Для цитирования: Шавеко Н.А. К вопросу о значениях слова «правда» в Древней Руси // Вестник Томского государственного университета. История. 2025. № 97. С. 152–158. doi: 10.17223/19988613/97/19

Original article

On the question of the meaning of the word “Pravda” in Ancient Russia

Nikolai A. Shaveko

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, shavekonikolai@gmail.com

Abstract. The article deals with the meanings of the word "pravda" in ancient Russian sources (till 17th century). Almost all the main written sources of Ancient Russia were subjected to linguistic analysis.

In polemics with other authors, the author of the article expresses his own position regarding the list of these meanings. In particular, such meanings of the word pravda as "someone's interest", "an acquittal of the court" are called into question. It is also proposed to consider such meanings of pravda as "the right of someone to power" or "the right of someone to judge" as a part of the more general meaning "a person's right". It is proposed to highlight the special meaning of pravda as "investigation of the case", and in addition, to highlight the special meaning of pravda as a «personal conviction». It is shown that the meaning of pravda as truth was established only by the 16th century (in letters of Ivan the Terrible). It also considers the meaning of some words that were synonymous with pravda in Ancient Russia, as well as the words derived from "pravda": law, right, truth. It is argued that synonyms of "pravda" have a whole palette of meanings, for example, the word "istina" was understood both as a statement of reality (truth), and as something genuine, eternal and unchanging in the sense of a moral ideal. Similarly, the word "pravo" meant both the truth and justice of something. It is concluded that the following should be mentioned as the main meanings of the word "pravda": pravda as truth or honesty, as the justice of actions or a person, as a set of legal norms (law), as a right (especially the right to execute power or the right to judge), as a conviction (point of view), statement (version of events), as a judicial inquiry and an oath (by one's God) or an agreement (promise), and finally as testimony (of any person who has seen or heard anything relevant to the case, including the parties themselves).

It is emphasized that not in all cases the meaning of the word "pravda" can be unambiguously determined: there is simply not enough contextual information for this. In this regard, it is proposed not to produce new meanings without necessity ("Occam's razor"). The same applies to words that have the same root as the word "truth".

In conclusion, it is argued that some of the meanings of the word "pravda" do not denote any ideal (of truth or justice), but a direct fact of social life, that is, not prescriptive ones, but descriptive ones (for example, pravda as a law, or pravda as a contract), although understanding pravda in prescriptive way is still primary. It is noted that for the ancient Russian man, "pravda" means the only correct ontological order of being and human relations, that is, the prescriptive and the descriptive meanings are connected.

Finally, it is substantiated that over time, ideas about the due conduct began to be expressed through the word "justice", but in the period under review this word was almost not used.

Keywords: truth, justice, Ancient Rus, Pravda

Acknowledgements: The research was carried out at the expense of a grant from the Ministry of Education and Science of the Russian Federation in the form of subsidies from the federal budget for major scientific projects in priority areas of scientific and technological development (Agreement No. 075-15-2024-639 dated July 12, 2024).

For citation: Shaveko, N.A. (2025) On the question of the meaning of the word “pravda” in Ancient Russia. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorya – Tomsk State University Journal of History.* 97. pp. 152–158. doi: 10.17223/19988613/97/19

Идея правды является одной из центральных и самых древних в составе русской ментальности. Но какое значение вкладывалось в это слово изначально, и какие смыслы оно выражало в письменных источниках Древней Руси? Данному вопросу и будет посвящена настоящая статья. При этом сразу оговоримся, что под Древней Русью мы будем понимать всю допетровскую Русь и исследовать только значения слова «правда», а не содержание тех идеалов, которые через данное слово выражались.

Итак, уже самые ранние древнерусские письменные источники показывают, что слово «правда» в Древней Руси было чрезвычайно многозначным. И все же два значения указанного слова наиболее ясны и очевидны, поэтому их обычно выделяют в качестве основных: это значения истины и справедливости. В объединении этих значений в одном слове заключается своеобразное очарование слова «правда». Широко известен пассаж Н.К. Михайловского: «Всякий раз, как мне приходит в голову слово “правда”, я не могу не восхищаться его поразительной внутреннею красотою. Такого слова нет, кажется, ни в одном европейском языке. Кажется, только по-русски истина и справедливость называются одним и тем же словом и как бы сливаются в одно великое целое» [1. С. V]. Таким образом, слово «правда» и его синонимы уже со времен Киевской Руси могли означать или некий идеал человеческого поведения и регулирующих его норм (справедливость), или высказывание, соответствующее действительности (истина). В древнерусских текстах правду можно и говорить, и предписывать, она противопоставляется в них и лукавству (лжи), и неупорядоченности, и насилиственному установлению, равно как и злу в целом, но ее всегда любят, с ней дружат, ей радуются.

Вместе с тем данными значениями термин «правда» не исчерпывается. Так, например, В.В. Колесов пишет: «В ранних древнерусских текстах слово правда представлено в значениях ‘правило, свод законов’ (1016), ‘праведные деяния’ (1057), ‘справедливость’ (1076), ‘правдивость, честность’ (1159), и собственно русские значения, метонимически вытекающие из переведенных прежде греческих значений, ‘условия договора’ (1199), ‘судебное испытание’ (XII в.), ‘право, права’ (1229), ‘право суда’ (1452), ‘свидетель’ (1589)» [2. С. 12]. По утверждению же В.А. Томсина, письменные памятники Древней Руси показывают, что слово «правда» имело по меньшей мере десять различных смыслов в области правовой культуры: 1) судебный порядок разрешения споров; 2) оправдательный приговор суда; 3) субъективное право лица; 4) право кого-либо на власть; 5) чей-либо интерес; 6) присяга или клятва; 7) договор; 8) правота кого-либо или какого-либо дела; 9) справедливость; 10) свод правовых норм [3. С. 88–94].

Следует согласиться с упомянутыми авторами в том, что слово «правда» действительно имело в Древней Руси множество значений. И все же представляется необходимым отметить, что в ряде случаев не так просто установить, какое именно значение использовал летописец в том или ином отрывке летописи, поэтому приводимые ученым примеры не всегда убедительны. Например, когда в летописях при описании событий 1176 г. говорится о том, что бояре хотели «свою правду поставить», может иметься в виду не интерес бояр как таковой, а свод правовых норм, поддерживаемых боярами, либо же власть бояр как таковая, в связи с чем значение № 5, предложенное В.А. Томсина, выглядит сомнительно. Не до конца убедительно и значение № 2, которое данный автор выводит на основе толкования лишь одного примера, а именно выражения «в правде и в вине» Никоновской летописи за 1385 г. как соответственно оправдательного и обвинительного приговора суда.

Что касается значения № 4, в пример которого В.А. Томсин приводит выражение «правда на свою вотчину» в Архангелогородском летописце 1447 г., то указанное значение может рассматриваться лишь как частный случай приведенного данным же автором значения № 3. Сюда же можно отнести выделяемое в Словаре русского языка XI–XVII вв. значение правды как «права суда», «права на осуществление судебной власти» [4. С. 99], на которое ссылается В.В. Колесов. И даже значение № 1 у В.А. Томсина имеет коннотацию, связанную с судебной властью: правда как суд означает не какой-либо, а именно княжеский (или иной уполномоченный) суд. В ст. 56 Русской Правды (пространной редакции) слово «правда» употреблено в значении именно княжеского правосудия [5. С. 506]. В этом смысле «правда», не воплощающая справедливость, может противопоставляться чему-то более возвышенному. Так, например, поэт XVII в. Михаил Татищев писал про тех представителей власти, кто осуждает невиновных и умышляет зло: «...в них же правда в слово истинное не обретается» [6. С. 112].

Если в приведенных случаях В.А. Томсин, возможно, преумножил возможные значения слова «правда», то другие значения он не упомянул (например, у того же В.В. Колесова встречаются значения «правдивости» и «свидетеля»). Впрочем, он и сам признает, что названными им значениями термин «правда» не исчерпывается. Достаточно сказать, что Словарь русского языка XI–XVII вв., на который он ссылается, содержит аж 17 значений слова «правда». Отметим некоторые из них.

Итак, В.А. Томсин, занятый узкой сферой вопросов, связанных с правовой культурой Древней Руси, не упоминает, в частности, значения правды как истины (соответствия действительности) и правды как честности [4. С. 96–97]. Вместе с тем указанные значения

появились не сразу. Р.М. Цейтлин, в частности, проанализировала 11 старославянских (древнеболгарских) рукописей и установила, что существительное «правда» употребляется в них суммарно около 200 раз в значениях «справедливость», и лишь в трех контекстах можно было предположить значение «истина», хотя содержание допускает толкование «по правде, по справедливости», т.е. речь идет, скорее, об окказионализмах-неологизмах в старославянском языке [7. С. 62]. О том, что значение правды как истины появилось не сразу, пишет и В.В. Колесов [2. С. 13]. Несмотря на это, ко времени составления первых древнерусских письменных памятников слово «правда», очевидно, уже употреблялось в значении честности (например, в выражении «глаголати правду», которое встречается в Повести временных лет [8. С. 180], Сказании о Борисе и Глебе [9. С. 344], сочинениях Кирилла Туровского [10. С. 49]). В то же время в ранних источниках не так просто найти пример, когда слово «правда» использовалось исключительно в значении соответствия фактам окружающего мира, в частности фактам неодушевленной природы, безотносительно к честности того или иного высказывания (т.е. в значении истины как логико-философской категории). В подобных случаях в Повести временных лет используется однокоренное слово «право» («То вамъ право молвять бозъ ваши»; «Еда се право будеть или лжа, не вѣдѣ»; «Да аще есть молвиль право Давыдъ, да прииметь Василко казнь», «сердце ихъ не бѣ право съ иимъ») либо непосредственно слово «истина». Лишь в XVI в. в Никоновскую летопись включается употребление правды как истины («князь Андрій лгаль, а князь Борисъ сказываль правду» [11. С. 78–79]), а Иван Грозный использует выражение «писать правду» в значении «писать то, что соответствует действительности» в Послании шведскому королю Юхану III 1573 г. («мы к тебе не ляо писали, правду», «ты самъ о томъ правду написаль», «то такъ дѣлалось, ты о томъ писаль правду намъ» [12]) и в Послании польскому королю Стефану Баторио 1581 г. («коли бы то правда была, ино бы одно слово было, а то розными словы ухищряючи говорили и писали» [13]). Вместе с тем «честность» и «истина» – значения практически идентичные, разграничить их иногда непросто, поэтому в любом случае представляется явно необоснованным тезис Н. Печерской, согласно которому «до XVII в. значение слов с корнем “-прав-” как презентации окружающего мира, характерное для современного их понимания, полностью отсутствует» [14. С. 23].

Более интересно иногда встречающееся в древнерусских текстах и также не отмеченное В.А. Томсиновым понимание «правды» как свидетеля или данных под присягой показаний [15. С. 242]. Имеется в виду, как правило, не свидетель как участник судебного процесса (послух или видок), а вообще лицо, способное давать показания по существу дела под присягой, обычно – сторона по делу (к «правде» в этом смысле прибегают как раз тогда, когда свидетелей по делу не имеется). Такое значение присутствует практически во всех наиболее известных правовых памятниках рассматриваемого периода, начиная от Русской Правды и заканчивая Соборным уложением [5, 16–18]. Отсюда его производные

с родственными значениями: «правати» – присягать / клясться, «правдати» – свидетельствовать [4. С. 96, 99].

Мы полагаем, что названные правовые памятники используют слово «правда» не только в значении собственно «свидетеля» (т.е. предоставляющего сведения лица), его объяснений и клятвы, но и в сходном значении «расследования дела». Так, например, Русская Правда говорит о «правде железа», т.е. установлении обстоятельств дела с помощью специальной процедуры испытания железом. Многие более поздние правовые памятники обращаются к термину «правда» в схожих контекстах, позволяющих трактовать правду не только как «показания под присягой», но и как «производство доказывания». Значения «правды» как «свидетельских показаний» и как «расследования дела» весьма близки, но все же различны. В последнем случае значение «правды» уточняет вышеприведенное значение № 1 («правда» как судебный порядок разрешения споров).

Что касается значения № 8 у В.А. Томсина, то мы полагаем, что его можно было выразить точнее. Правду в древнерусских текстах не только любят, на нее еще и надеются, в нее верят, что означает: у каждого из героев летописей своя правда, и они пытаются ее отстоять, ею оправдаться. В этом случае правда вообще понимается как личное убеждение человека, могущее оказаться правильным или неправильным, которое подвергается проверке и испытанию. Например, в Повести временных лет читаем такую фразу: «Олегъ же надѣяся на правду свою, яко правъ бѣ в сѣмъ» [8. С. 266]. То есть у Олега Святославича было собственное убеждение (а именно, что Муром является его уделом, незаконно захваченным Изыславом Владимировичем), и это убеждение, по мнению летописца, было правильным, в отличие от «правды» его врагов. Другой летописный пример: спор двух князей – Олега Мстиславича и Святослава Липецкого – о том, как действовать против монголов. В этом споре каждый из них апеллировал к правде (первый выступал за осторожную и совместную политику, второй – за правомерность любой атаки против врага), но взаимопонимания они так и не достигли [19. С. 178]. Ряд примеров дает нам более поздний источник – Казанскую историю. Так, царь Улу-Ахмет не испугался вышедших против него московских воинов, но понадеялся на Бога и «правду свою» и в результате одержал победу [20. С. 274], аналогично царь Шигалей не испугался того, что был оклеветан недругами перед московским царем, «надѣяся на Бога жива и на безмѣрную правду свою» [20. С. 380]. Случаев, когда русские князья принимали ответственные решения, «надеясь на Бога и на свою правду», в летописях имеется множество. Иными словами, правители считали свою позицию правильной и потому надеялись на помощь Бога. «Правда» при таком подходе может быть «своей» и «чужой», но она не тождественна простому интересу. В судебном разбирательстве каждая из сторон доказывает свою правду. Повесть временных лет содержит текст договора князя Олега с греками 912 г., согласно которому тот, кто будет препятствовать поиску украденного челядина, «погубит правду свою» [8. С. 188] (т.е. не сможет доказать свою право-

ту и свою версию событий). У Бога в этом смысле тоже «своя правда», противопоставленная иным возможным правдам, пусть и неправильным. Еще один яркий пример – послание Кирилла Белозерского Василию Дмитриевичу, где под правдой вновь понимается точка зрения, претендующая на правоту: «Да слышал есми, господине князь великий, что смущение велико между тобою и сродники твои, княжми Суждалскими: ты, господине, свою правду сказываешь, а они свою. А в том, господине, меж васъ христианом кровопролитие велико чинится. Ино, господине, посмотри того истинно: в чем будет их правда пред тобою, и ты, господине, смиренiem своимъ поступи на себе. А в чём будет твоя правда пред ними, и ты, господине, за себя стой по правдѣ» [21. С. 426–428]. Таким образом, мы видим, что здесь имеется в виду правда-убеждение, и она может быть как истинной, так и неистинной. Это понимание отчасти сродни «правде» в значении свидетельских показаний. Таких правд много, а истина одна. Много «правд» и в значении свода правовых норм, или же определенного правопорядка. Например, осуждая самоуправство князя Андрея Шуйского и его сторонников в отношении бояр и митрополита, Иван Грозный в первом послании к А.М. Курбскому восклицает: «Вся вселенная подсмееть, видя такую правду!» Иными словами, правда может быть той или иной, правильной и неправильной правдой.

Нельзя не отметить и значение «правды» как добродетели. Еще в Изборнике 1073 г. правда названа одним из свойств («кимений») души, среди которых «цѣломудрѣство, доблѣсть, мудрѣсть, правъда» [22. С. 154]. И впоследствии эти четыре добродетели приводятся русскими летописцами, как правило, по отношению к царям и правителям [11. С. 197; 23. С. 36].

Итак, в качестве основных значений слова «правда», с нашей точки зрения, выделяются следующие: правда как истина или честность, как справедливость действий или человека, как свод правовых норм (закон), как субъективное право (в том числе право на власть, право вершить суд), как убеждение (позиция) или утверждение (версия событий), как судебное расследование, клятва (причем всегда «по своей вере», т.е. своим Богом) или договор (обещание, причем опять же «на кресте»), свидетельские показания (имеются в виду показания любого лица, которое видело или слышало что-либо, имеющее значение по делу, в том числе стороны по делу). Но следует еще раз подчеркнуть, что *не во всех случаях значение слова «правда» можно однозначно определить: для этого потребует контекстуальной информации*. Так и С.Г. Воркачев, исследующий уже в том числе и современную русскую лингвокультуру, выявляет нераздельность в большинстве случаев этического и гносеологического значений правды [24]. В других случаях значение «правды» очевидно, например когда говорится, что «сильные пишут правду» (Повесть временных лет), очевидно, под правдой понимается нормативное предписание власти, а когда употребляется выражение «закон правды» (перевод Толкового Апостола), то под правдой имеется в виду справедливость, если же мы встречаем выражение «истинная правда» (например, в Житии Марии Египет-

ской), то обнаруживаем устойчивое выражение, в котором правда и означает истину.

Конечно, древнерусские авторы использовали и многочисленные синонимы слова «правда», например «истина», «право» и «закон». Соотношение значений этих слов не всегда одинаково: порой эти значения перекликаются, а порой даже противопоставляются. Зачастую синонимы «правды» имеют целую палитру значений, например слово «истина» понималось и как соответствие утверждения действительности, и как нечто подлинное, вечное и неизменное в смысле нравственного идеала [25. С. 547, 549; 26. С. 325; 27; 28. С. 161; 29. С. 48, 191–192], аналогично слово «право» означало и истинность, и справедливость чего-либо [4. С. 115–116].

Из многозначности слова «правда» возникает и многозначность однокоренных слов (правдиво, праведно, оправдаться, неправда, вправду, правдовати, правати, правдати, правъ, праведливо, править, правеж, правило и т.п.). Чрезвычайно многозначным на Руси, например, было слово «правило»: им обозначалась уйма самых различных технических приспособлений, необходимых, чтобы сделать что-либо правильно или выпрямить что-либо (руль, снасть для управления парусом, бруск на ткацком станке для подъема ниток, строительное приспособление для кладки, приспособление для растягивания полотнища), и наравне с этим – церковный канон, установленное богослужение, свод норм [4. С. 106–107]. Зачастую, исходя из контекста, нельзя определить, какое именно значение вкладывали авторы в слова, однокоренные с «правдой»: в сущности, подходит несколько вышеперечисленных значений сразу. В целом, как показывают лингвистические исследования, «правое» в славянских сказках, былинах, приметах, пословицах и поговорках ассоциируется с жизнью, счастьем, удачей, высшим, главным или мужским, тогда как его противоположности («левое», «кривда» и т.п.) – со смертью, несчастьем, неудачей, низшим, подчиненным или женским [30. С. 91–98]. Корень «-прав-» часто связан с выпрямлением, наведением порядка. Любопытно в этом отношении слово «править», сохранившее свои значения до наших дней: это не только властвовать, но и исправлять. Так же и древнерусское «правеж»: это и выбивание долгов, и выпрямление. Р.М. Цейтлин установила, что в 17 старославянских рукописях встречается 43 слова с корнем «-прав-», первичными значениями которых являются: «прямой, ровный» и «устремленный прямо, вперед». В последующем эти значения развиваются по пяти семантическим линиям: 1) прямой / ровный, выпрямить / разровнять; 2) направить по прямому / правильному пути; наставник / руководитель; 3) правильный / справедливый; 4) закон / правило (также правильные и справедливые); 5) православный.

Вновь обозревая все вышеперечисленные значения слова «правда», хотелось бы обратить особое внимание, что некоторые из них обозначают не какой-либо идеал (истины или справедливости), а непосредственный факт социальной жизни, т.е. не должно, а сущее (например, правда как закон или правда как договор). Это чрезвычайно интересно, поскольку одно и то же слово имело и дескриптивное (описательное, индикативное), и прескриптивное (предписывающее, импера-

тивное) значение. Оно обозначало и сам идеал (причем справедливость означала как объективный идеал действий, так и субъективный идеал человеческой добродетели [30. С. 96]), и фактический результат, который получился в результате (предполагаемого) стремления к идеалу. Вместе с тем Р.М. Цейтлин показала, что первоначально все слова с корнем «-прав-» имели безусловно положительное значение. Иными словами, «правда» – не просто закон, но правильный / справедливый закон, «править» – не просто властвовать, а властвовать правильно / справедливо, реализовывать правила (т.е. правильные действия) и исправлять ошибки (отклонения от правил), «правосудие» – не судопроизводство вообще, а только справедливое. Поэтому прескриптивное значение является первичным, а дескриптивное появилось лишь позднее [28. С. 63–64].

Исследователи отмечают, что у древнерусского человека под «правдой» подразумевается некий единственно правильный онтологический порядок бытия и человеческих отношений. «Подобно справедливости “правда” является имманентно присущей объективному миру и одновременно имеет признаки внешней трансцендентной силы. Возможна даже более радикальная трактовка, в которой “правда” предстает как высшее трансцендентное явление, как всеобщий закон бытия или Логос» [31. С. 43]. И одновременно: «Долго удерживался взгляд, согласно которому любое преступление является по идеи преступлением против вселенской гармонии или равновесия, нарушающим не только социальный порядок, но затрагивающим и сферу природы» [33. С. 22]. В мифологической мировоззренческой парадигме, в рамках которой и происходила первичная концептуализация понятия правды, «закон, положенный человеку извне» есть не что иное, как само устройство мироздания, как «то, что подлинно (истинно) есть» [34. С. 26]. Следовательно, с самого начала отсылка к правде – это отсылка не столько к закону как правовому установлению или истине как объективным фактам, сколько к «подлинно» сущему и к тем нормам поведения, которые оно задает. По мнению В.В. Колесова, «актуальный смысл концепта “правда” в Древней Руси был таков: “справедливость законного суда, правота правосудия”» [2. С. 12].

Но что насчет слова, более соответствующего прескриптивному направлению, а именно слова «справедливость»? В научной литературе указывается, что слово «справедливость» появляется в лексическом составе русского языка не ранее XV в. По всей видимости, несмотря на умножение значений слова «правда», до этого на Руси еще не было потребности в выделении отдельного понятия «справедливости» [14. С. 20–21]. Ученые сходятся во мнении о недревнерусском происхождении слова «справедливость». Вероятно, оно было заимствовано из чешского или польского языка [14. С. 24]. Слова «справедливость» и «справедливо» нередко в своих произведениях использует Максим Грек (начало XVI в.), но это все же иностранец, который русский язык выучил не сразу. Только в конце XV – начале XVI в. слово «справедливость» появляется в дипломатической переписке Московского и Польско-Литовского государств [35], однако, по резонному за-

мечанию Н. Печерской в такого рода источниках могут использоваться слова сугубо иностранные, еще не ассимилированные в русском языке. К этому же времени относятся и слова Ивана Грозного: «Мы же ся о том добре дивуем и жалуем о твоих сединах, як же еси в таковых сединах таковому лотовскому обычю вдался еси, еже нам не годитца таковым неподобным обычаем государем своим служити, но и *справедливою правостью* (курсив наш. – Н.Ш.) государем заслуговати, а то есть неподобных людей и лотов обычей, что язык свой на укоризну обращати» [36. С. 275]. Опять же, речь идет об употреблении слова «справедливый» главой государства, а не простым обывателем, да еще и в сочетании со словом «правость». Наконец, необходимо отметить переводное произведение «Тайная тайных», в котором слово «справедливость» встречается многократно: считается, что перевод сделан в конце XV – начале XVI в.; так или иначе к середине XVI в. он существовал. Вместе с тем и здесь необходимо обратить внимание на переводной характер текста, причем переводчик не вполне владел русским языком. Таким образом, приведенные случаи употребления слов «справедливость» и «справедливы» не свидетельствуют о том, что оно укрепилось в разговорном общении уже в XV–XVI вв. В XVI–XVII вв. зафиксировано употребление переходных вариантов «праведливость» и «праведливы» [4. С. 102]. Лишь в конце XVII в. встречаются единичные употребления слова «справедливо» в переводах с польского и других языков. До XVIII в., следовательно, слово «справедливость», однокоренные с ним и производные от него слова не были широко распространены, но и тогда, согласно исследованию Н. Печерской, «справедливость» употребляется больше в значении «истины», и лишь идеи Просвещения, а также кризис государственно-правового устройства XIX в. повлияли на становление современного значения этого слова (очень мало связанного с истиной, а использующегося в основном в социально-философских дебатах) [14. С. 28–32].

Таким образом, правда и справедливость – не противоречащие друг другу понятия. В целом они имеют одно и то же значение, но употреблялись в разные эпохи. Как пишет В.В. Колесов, правда – это основная категория славянской этики и форма выражения справедливости: «Правда – цельное и целостное проявление идеала, дается благодатью и совершается с любовью; главная форма выражения справедливости, правда является основной категорией славянской этики, идеально Божья правда – бытие, а не быт, – мечта, всегда представленная в законченном виде. Это добро, в оттенках представленное как проявление разума (правда-истина), духа (правда-справедливость) и воли (правда-мощь) в качестве единящей нравственной силы (правда-камень). Правда представляется силой, противопоставленной лжи как правое (прямое и ровное, т.е. сущее), кривде (греху) как праведное (по существу), а истине как правильное (по сути), духовно предполагается в будущем, хотя вообще существует в координатах времени (бороться за правду) и пространства (ходить за правдой)» [2. С. 15]. И хотя не все положения этого лаконичного вывода представляются нам

одинаково обоснованными (так, дискуссионным является соотношение правды и истины, дополнительных пояснений требует упоминание «правды-моши» и

«правды-камня»), в целом он успешно передает основные аспекты значения правды как социально-правового и религиозно-нравственного идеала.

Список источников

1. Михайловский Н.К. Полное собрание сочинений. 5-е изд. СПб. : Тип. М.М. Стасюлевича, 1911. Т. 1. 970 стб.
2. Колесов В.В. Русская правда. // Мир русского слова. 2012. № 1. С. 9–15.
3. Томсинов В.А. Термин «правда» в правовой культуре Древней Руси // Законодательство. 2017. № 2. С. 88–94.
4. Словарь русского языка XI–XVII вв. / отв. ред. С.Г. Бархударов. М. : Наука, 1992. Вып. 18. 288 с.
5. Русская Правда (пространная редакция) // Библиотека литературы Древней Руси / под ред. Д.С. Лихачева и др. СПб. : Наука, 1997. Т. 4. С. 496–517.
6. Виршевая поэзия (первая половина XVII века) / сост., подг. текстов, вступ. ст. и comment. В.К. Былинин, А.А. Илюшина. М. : Сов. Россия, 1989. 480 с.
7. Цейтлин Р.М. О значении старославянских слов с корнем «-прав-» // Этимология / отв. ред. О.Н. Трубачев. М. : Наука, 1978. С. 59–64.
8. Повесть временных лет // Библиотека литературы Древней Руси / под ред. Д.С. Лихачева и др. СПб. : Наука, 1997. Т. 1. С. 62–315.
9. Сказание о Борисе и Глебе // Библиотека литературы Древней Руси / под ред. Д.С. Лихачева и др. СПб. : Наука, 1997. Т. 1. С. 328–351.
10. Калайдович К. Памятники российской словесности XII века. Творения Кирилла, епископа Туровского. М. : Тип. С. Селивановского, 1821. 304 с.
11. Полное собрание русских летописей. СПб. : Тип. И.Н. Скороходова 1904. Т. 13, 1-я пол. 302 с.
12. Послание шведскому королю Юхану III 1573 года // Послания Ивана Грозного // Библиотека литературы Древней Руси / под ред. Д.С. Лихачева и др. СПб. : Наука, 2001. Т. 11. С. 116–135.
13. Послание польскому королю Стефану Баторию 1581 года // Послания Ивана Грозного // Библиотека литературы Древней Руси / под ред. Д.С. Лихачева и др. СПб. : Наука, 2001. Т. 11. 170–205.
14. Печерская Н. Справедливость: между правдой и истиной (история формирования концепта в русской культуре) // «Правда»: дискурсы справедливости в русской интеллектуальной истории / под ред. Н.С. Плотникова. М. : Ключ-С, 2011. С. 15–48.
15. Даль В.И. Большой иллюстрированный толковый словарь русского языка : современное написание. М. : АСТ и др., 2006. 352 с.
16. Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. / отв. ред. А.Д. Горский. М. : Юрид. лит., 1985. Т. 2: Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. 520 с.
17. Судебник царя Федора Иоанновича 1589 г. : по списку собрания Ф.Ф. Мазурина. М. : Изд. Комиссии печатания государственных грамот и договоров при Московском главном архиве М-ва иностр. дел, 1900. 56 с.
18. Тихомиров М.Н., Епифанов П.П. Соборное уложение 1649 года. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1961. 444 с.
19. Полное собрание русских летописей. СПб. : Тип. Эдуарда Праца, 1856. Т. 7. 345 с.
20. Казанская история // Библиотека литературы Древней Руси / под ред. Д.С. Лихачева и др. СПб. : Наука, 2000. Т. 10. С. 252–509.
21. Три послания и Духовная грамота Кирилла Белозерского // Библиотека литературы Древней Руси / под ред. Д.С. Лихачева и др. СПб. : Наука, 1999. Т. 6. С. 424–439.
22. Из Изборника 1073 года // Библиотека литературы Древней Руси / под ред. Д.С. Лихачева и др. СПб. : Наука, 1999. Т. 2. С. 136–167.
23. Полное собрание русских летописей. СПб. : Тип. Эдуарда Праца, 1862. Т. 9. 256 с.
24. Воркачев С.Г. Правды исти: идея справедливости в русской лингвокультуре. М. : Флинта, 2015. 192 с.
25. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М. : Языки русской литературы, 1999. 896 с.
26. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М. : Языки русской литературы, 1997. 824 с.
27. Топоров В.Н. Этимологические заметки (славяно-италийские параллели) // Краткие сообщения Института славяноведения АН СССР. М., 1958. Вып. 25. С. 74–87.
28. Цейтлин Р.М. Сравнительная лексикология славянских языков X–XI–XIV/XV вв. Проблемы и методы. М. : Наука, 1996. 232 с.
29. Успенский Б.А. Краткий очерк истории русского литературного языка (XI–XIX вв.). М. : Гнозис, 1994. 240 с.
30. Иванов В.В., Топоров В.Н. Славянские языковые моделирующие семиотические системы. Древний период. М. : Наука, 1965. 246 с.
31. Черников М.В. Философия правды в русской культуре : автореф. дис. ... д-р филос. наук. Воронеж, 2002. 44 с.
32. Черных С.Н. Справедливость и правда в аспекте древнерусского мировоззрения // Вестник Воронежского государственного технического университета. 2010. № 10. С. 43–46.
33. Иванов В.В., Топоров В.Н. Древнее славянское право: архаичные мифопоэтические основы и источники в свете языка // Формирование раннефеодальных славянских народностей. М. : Наука, 1981. С. 10–31.
34. Черников М.В. Философия Правды в русской культуре : дис. ... д-ра филос. наук : 24.00.01. Воронеж, 2002. 336 с.
35. Грузберг А. Частотный словарь русского языка второй половины XVI – начала XVII века. Пермь : Перм. гос. пед. ин-т, 1974. 462 с.
36. Послания Ивана Грозного. М. –Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1951. 741 с.

References

1. Mikhaylovskiy, N.K. (1911) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. 5th ed. Vol. 1. St. Petersburg: M.M. Stasyulevich.
2. Kolesov, V.V. (2012) Russkaya pravda [Russkaya Pravda]. *Mir russkogo slova*. 1. pp. 9–15.
3. Tomsinov, V.A. (2017) Termin “pravda” v pravovoy kul’ture Drevney Rusi [The Term “Pravda” in the Legal Culture of Ancient Rus’]. *Zakonodatel’stvo*. 2. pp. 88–94.
4. Barkhudarov, S.G. (ed.) (1992) *Slovar’ russkogo jazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian Language of the 11th–17th Centuries]. Vol. 18. Moscow: Nauka.
5. Likhachev, D.S. et al. (eds) (1997a) *Biblioteka literatury Drevney Rusi* [Library of Old Rus’ Literature]. Vol. 4. St. Petersburg: Nauka. pp. 496–517.
6. Bylinin, V.K. & Ilyushin, A.A. (eds) (1989) *Virshevaya poeziya (pervaya polovina XVII veka)* [Virsh Poetry (First Half of the 17th Century)]. Moscow: Sov. Rossiya.
7. Tseytlin, R.M. (1978) O znachenii staroslavjanskikh slov s kornem “-prav-” [On the Meaning of Old Church Slavonic Words with the Root “-prav-”]. In: Trubachev, O.N. (ed.) *Etimologiya* [Etimology]. Moscow: Nauka. pp. 59–64.
8. Likhachev, D.S. et al. (eds) (1997b) *Biblioteka literatury Drevney Rusi* [Library of Old Rus’ Literature]. Vol. 1. St. Petersburg: Nauka. pp. 62–315.
9. Likhachev, D.S. et al. (eds) (1997c) *Biblioteka literatury Drevney Rusi* [Library of Old Rus’ Literature]. Vol. 1. St. Petersburg: Nauka. pp. 328–351.
10. Kalaydovich, K. (1821) *Pamyatniki rossiyskoy slovesnosti XII veka. Tvoresheniya Kirilla, episkopa Turovskogo* [Monuments of Russian Literature of the 12th Century. Works of Kirill, Bishop of Turov]. Moscow: S. Selivanovsky.
11. Bychkov, A.F. et al. (eds) (1904) *Polnoe sobranie russkikh letopisej* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 13. St. Petersburg: I.N. Skorokhodov.
12. Likhachev, D.S. et al. (eds) (2001a) *Biblioteka literatury Drevney Rusi* [Library of Old Rus’ Literature]. Vol. 11. St. Petersburg: Nauka. pp. 116–135.

13. Likhachev, D.S. et al. (eds) (2001b) *Biblioteka literatury Drevney Rusi* [Library of Old Rus' Literature]. Vol. 11. St. Petersburg: Nauka. pp. 170–205.
14. Pecherskaya, N. (2011) *Spravedlivost': mezhdu pravdoy i istinoy (istoriya formirovaniya kontsepta v russkoy kul'ture)* [Justice: Between Pravda and Istina (History of the Concept's Formation in Russian Culture)]. In: Plotnikov, N.S. (ed.) "Pravda": diskursy spravedlivosti v russkoy intellektual'noy istorii ["Pravda": Discourses of Justice in Russian Intellectual History]. Moscow: Klyuch-S. pp. 15–48.
15. Dal, V.I. (1985) *Bol'shoy illyustrirovannyi tolkovyy slovar' russkogo yazyka: sovremennoe napisanie* [Large Illustrated Explanatory Dictionary of the Russian Language: Modern Spelling]. Moscow: AST.
16. Gorskiy, A.D. (ed.) (1985) *Rossiyskoe zakonodatel'stvo X–XX vekov: v 9 t.* [Russian Legislation of the 10th–20th Centuries: in 9 vols]. Vol. 2. Moscow: Jurid. lit.
17. Anon. (1900) *Sudebnik tsarya Fedora Ioannovicha 1589 g.: po spisku sobraniya F.F. Mazurina* [Sudebnik of Tsar Fyodor Ioannovich, 1589: Based on the Manuscript from the F.F. Mazurin Collection]. Moscow: Published by the Commission for the Printing of State Charters and Treaties at the Moscow Main Archive of the Ministry of Foreign Affairs.
18. Tikhomirov, M.N. & Epifanov, P.P. (1961) *Sobornoe ulozhenie 1649 goda* [Sobornoje Ulozhenie of 1649]. Moscow: Moscow State University.
19. Russia. (1856) *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 7. St. Petersburg: Tip. Eduarda Pratsa.
20. Likhachev, D.S. et al. (eds) (2000) *Biblioteka literatury Drevney Rusi* [Library of Old Rus' Literature]. Vol. 10. St. Petersburg: Nauka. pp. 252–509.
21. Likhachev, D.S. et al. (eds) (1999a) *Biblioteka literatury Drevney Rusi* [Library of Old Rus' Literature]. Vol. 6. St. Petersburg: Nauka. pp. 424–439.
22. Likhachev, D.S. et al. (eds) (1999b) *Biblioteka literatury Drevney Rusi* [Library of Old Rus' Literature]. Vol. 2. St. Petersburg: Nauka. pp. 136–167.
23. Russia. (1862) *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 9. St. Petersburg: Tip. Eduarda Pratsa.
24. Vorkachev, S.G. (2015) *Pravdy ishchi: ideya spravedlivosti v russkoy lingvokul'ture* [Seek the Pravda: The Idea of Justice in Russian Linguoculture]. Moscow: Flinta.
25. Arutyunova, N.D. (1999) *Yazyk i mir cheloveka* [Language and the World of Man]. Moscow: Yazyki russkoy literatury.
26. Stepanov, Yu.S. (1997) *Konstanty. Slovar' russkoy kul'tury. Opyt issledovaniya* [Constants. Dictionary of Russian Culture. A Research Experience]. Moscow: Yazyki russkoy literatury.
27. Toporov, V.N. (1958) *Etimologicheskie zametki (slavyano-italiyskie parallel'i)* [Etymological Notes (Slavic-Italic Parallels)]. *Kratkie soobshcheniya Instituta slavyanovedeniya AN SSSR*. 25. pp. 74–87.
28. Tseytin, R.M. (1996) *Sravnitel'naya leksikologiya slavyanskikh yazykov X–XI–XIV/XV vv. Problemy i metody* [Comparative Lexicology of the Slavic Languages of the 10th/11th–14th/15th Centuries. Problems and Methods]. Moscow: Nauka.
29. Uspenskiy, B.A. (1994) *Kratkiy ocherk istorii russkogo literaturnogo yazyka (XI–XIX vv.)* [A Brief Outline of the History of the Russian Literary Language (11th–19th Centuries)]. Moscow: Gnozis.
30. Ivanov, V.V. & Toporov, V.N. (1965) *Slavianskie yazykovye modeliruyushchie semioticheskie sistemy. Drevniy period* [Slavic Language Modeling Semiotic Systems. Ancient Period]. Moscow: Nauka.
31. Chernikov, M.V. (2002) *Filosofiya pravdy v russkoy kul'ture* [The Philosophy of Pravda in Russian Culture]. Abstract of Philosophy Dr. Diss. Voronezh.
32. Chernykh, S.N. (2010) *Spravedlivost' i pravda v aspekte drevnerusskogo mirovozzreniya* [Justice and Pravda in the Aspect of the Old Russian Worldview]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*. 10. pp. 43–46.
33. Ivanov, V.V. & Toporov, V.N. (1981) *Drevnee slavyanskoje pravo: arkaichnye mifopoeticheskie osnovy i istochniki v svete yazyka* [Ancient Slavic Law: Archaic Mythopoetic Foundations and Sources in the Light of Language]. In: *Formirovaniye rannefeodal'nykh slavyanskikh narodnostey* [The Formation of Early Feudal Slavic Nationalities]. Moscow: Nauka. pp. 10–31.
34. Chernikov, M.V. (2002) *Filosofiya Pravdy v russkoy kul'ture* [The Philosophy of Pravda in Russian Culture]. Philosophy Dr. Diss. Voronezh.
35. Gruzberg, A. (1974) *Chastotnyy slovar' russkogo yazyka vtoroy poloviny XVI – nachala XVII veka* [Frequency Dictionary of the Russian Language of the Second Half of the 16th – Early 17th Century]. Perm: Perm State Pedagogical Institute.
36. Likhachev, D.S. (ed.) (1951) *Poslaniya Ivana Groznogo* [Messages of Ivan the Terrible]. Moscow; Leningrad: USSR AS.

Сведения об авторе:

Шавеко Николай Александрович – кандидат юридических наук, научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук (Москва, Россия). E-mail: shavekonikolai@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Shaveko Nikolai A. – Candidate of Law, Researcher, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: shavekonikolai@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 15.03.2022; принята к публикации 17.09.2025

The article was submitted 15.03.2022; accepted for publication 17.09.2025